

11. Mendelsohn, E. Jewish politics in interwar Poland: an overview / E. Mendelsohn – London, 1989. – 105 p.
12. Mendelsohn, E. Poland / E. Mendelsohn – London, 1989. – 97 p.
13. Pickhan, G. «Gegen der Strom». Der allgemeine Jüdische Arbeiterbund «Bund» in Polen 1918–1939 / G. Pickhan. – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 2001. – 441 p.
14. Pickhan, G. Kossowski, Portnoj i inni. Rola pokolenia założycieli Bundu w Polsce międzywojennej / G. Pickhan // Bund. 100 lat historii 1897–1997 / Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 231–243.
15. Sprawy Narodowościowe – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1929. – № 2.
16. Sprawy Narodowościowe / Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1931. – № 1.
17. Walka – Warszawa. – 1925. – № 1–2.
18. Żydzi w Polsce odrodzonej. – Warszawa: Światło, 1933 – 340 s.

Материал поступил в редакцию 10.11.16

MOSHCHUK A.V. Transformation of political doctrine of the Polish Bund in the 1920's

The article considers problems of formation and development of the political doctrine one of the leading Jewish social-democratic parties operating in the territory of the Second Polish Republic, the Polish Bund. A separate object of scientific work are the events of factional struggle within the party, correlated by the author with the events inside the Polish state, and in the international arena.

УДК 930.2 (476.7)

Гладыщук А.А.

ФАРМАЦИИ В БЕРЕСТЬЕ (БРЕСТЕ) – 450 ЛЕТ

Реестр «Староства Берестейского» 1566 года [1] трижды упоминает имя первого известного на сегодняшний день берестейского аптекаря:

« – Место его королевской милости Берестейское. Место въ паркане. Рынокъ. Третья полатъ ринку ... Станиславъ аптекаръ (подчёркнуто авт.), 2 пруты садибы ...

– Надъ гостинцомъ Теребунскимъ. Станиславъ аптекаръ, 2 пруты садибы, 8 прутос огороди ...

– Волоки места Берестейского. ... Станиславъ аптекаръ, зять князя Симонов, 56 личбой волоки ...»

Прочитав три приведенные из реестра фразы, невольно выводишь их реальное продолжение: первая берестейская аптека размещалась на Рыночной площади Берестья со стороны, противоположной замку, сегодня это будет со стороны действующей Св. Николаевской церкви на Центральном острове мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»; сам Станислав-аптекарь с семьёй, видимо, проживал «над Теребунским гостинцем», старинной дорогой, которая из Берестья в направлении нынешней Речицы и через Скоки вела в Теребунь и дальше через Буг на Подляшье; а вот то, что Станислав был зятем князя Семёна и владел 56-й волокой земли из 60-и, «надданных» городу магдебургским правом ещё в 1490 году князем Ягайло [2], заставляет задуматься. Никогда не представлялось, что в первую берестейскую аптеку будут вплетены каким-то образом княжеские имена. Кто же мог быть этим князем, на дочери которого был женат первый берестейский аптекарь?

Однозначного ответа найти сразу не удалось, хотя Ю. Вольф подсказывал [3], что среди князей литовско-русских* (*Примечание*: * слово **русский** или **руський** писалось в те времена с одним «с» или через «ь»), будем придерживаться орфографии времён Древней Руси, чтобы не путать употребление этого слова с более поздним написанием в Московии и России – русский, что означает по смыслу не совсем одно и то же) в рассматриваемый период времени жили, например такие, как Семён Юрьевич Гольшанский, Семён Слуцкий из Оленьковичей и даже двоюродный брат берестейского старосты Василия Глинского Слепого князь Семён Иванович Глинский, но предположим, что дочь кого-то из них была замужем за берестейским аптекарем, не находилось.

Определённую ясность в сведениях к общему знаменателю имени Станислава и неизвестной княжны внесло судебное рассмотрение под № 535 [4]: «*Назначеніе срока для решенія спора о приданомъ между Глинскимъ и его сестрою Еленою Грибовскою*», дату которого по подсказке А. Д. Никитчика пришлось поправить, потому что 19 июля понеделника приходился только на 1585 год, но никак не на 1558. Оказывается, любовь посособствовала появле-

нию первого аптекаря в Берестье вместе с молодой княгиней Еленой Михайловной Глинской, дочерью князя Михаила Ивановича Глинского, который в свою очередь доводился двоюродным братом берестейскому старосте князю Василию Львовичу Глинскому по прозвищу Слепой, выехавшего вместе с братом Михаилом Львовичем Глинским и дочерью Еленой после известных событий в Москву. Поэтому первая берестейская «аптекарьша», Елена Михайловна Глинская, приходилась своей тёзке Елене Васильевне Глинской, жене московского царя Василия III и матери Ивана IV Грозного, троюродной сестрой. Такие вот необычные перипетии княжеских судеб.

Но в реестре записано: «*Станиславъ аптекаръ, зять князя Симонов*». Всё правильно. Князь Михаил Иванович Глинский (1505–1532) умер очень молодым, оставив сына Александра и дочь Елену под опекой своего младшего брата Семёна Ивановича (1514–1549), на что указывает содержание разбирательства спора между братом и сестрой [5]: «*Олександра князь Михайло Глинскій, постановившия передъ нами очивисто у права, на жалобу его черезъ умоцованного своего Миколоя Скиндера отказъ чинилъ тымъ обычаемъ: што се дотычетъ тое выправы зъ именовъ отчизныхъ той сестре моей, тогды-мъ ей дати не повинень с тыхъ причинъ, ижъ она первей того, будучи у в опеце дядька своего и моего тежъ князя Семена Ивановича Глинского и безъ воли и ведомости того дядька моего и иныхъ кривныхъ, повиноватыхъ своихъ необычайне замужъ пошла за земенина господарского пана Станислава Войтеховича Войшевловича* (подчёркнуто авт.), *першого мужа своего ...*».

Это полное имя первого берестейского аптекаря, человека достойного, благородного происхождения, но без княжеского титула, за которого «*тая братанка его [князя Семёна Ивановича] княжна Олена, будучи у в опеце его, замужъ необычайне, безъ воли его опекунское и иныхъ кривныхъ своевольне замужъ пошла ...*».

Таким вот несколько необычным было начало аптечного дела в Берестье. Правда, Станислав Войшевлович, корни которого, похоже, были жемойтскими, ко времени данного судебного разбирательства уже умер. О князе же Семёне Ивановиче Глинском, отце Елены Семёновны, напоминает [6] «*Извлечение изъ постановленія Виленского сейма 1528 г. Мая 1: ... Князь Семень Глинъски маеть ставити два кони. Братъ его Михайло маеть ставити за себе и за брата своего князя Юрья, которы на Москве седить, чотыры кони*». Из этого документа видим, что не все князья Глинские подались в Москву вслед за опальным Михаилом Глинским.

Другие сведения об аптечных делах Берестья того времени являются отрывочными, но подчёркивают, что нужное для людей дело продолжало набирать обороты, хотя иногда и со скандалами [7]: «*1577 г.*

Гладыщук Анатолий Антонович, к.ф.-м.н., доцент кафедры физики Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

405. Юля 30. Заявленіе Симона Рушинскаго – аптекаря пана троцкаго (Евстафія Воловича), о томъ, что мещанка берестейскаго Катерина Блажковая – «пришедши до дому его мсти пана троцкаго, до мешканя его, съ кухаркою своею Раинюю, немаючи до него жадное потребности, окно з улицы до светлицы, кидаячи цеглами и каменьямъ, выбили, и блону паперовую зопсовали и тамъ дей у него, яко у аптекаря, на столе збанковъ два, один турецкий, а другой простый полеванный – з водкою рожаною, а шкленницу великую одну з водкою сердечною и другую банечку з тою жь водкою сердечною, то все побили и оною водкою три либры паперу и книги его аптекарские ему потребные помочили и внивечъ се обернули». Всего убытка причинено ему, аптекарю, на 30 чирвоныхъ золотыхъ».

Прелюбопытное сообщение, которое на некоторые детали аптечного дела в Берестье проливает свет. Конечно, аптекарь Семён Рушинский о чём-то не договаривает, вряд ли мещанка Катерина Блажковая без причины вела бы себя так буйно. Но частое мелькание водочных «шклянниц» указывает на авторитет древнего средства в медицине. Жаль, что нельзя удовлетворить любопытство названиями средневековых аптекарских книг, залитых водочными лекарственными настойками, как и непониманием учёта «паперы либрами», но зато понятно, что для затягивания окон-оболон использовали тогда специальную бумагу. Как бы мы сегодня без описания подобного житейского скандала могли бы узнать столько деталей аптекарского дела?

Но берестейский аптекарь Семён Рушинский или Душинский берестейцами, оказывается, был часто бит [8]: «1577 г. 571. Сеентября 17. Жалоба Симона Душинскаго – аптекаря пана троцкаго», – о нанесеніи ему побоевъ и ранъ Михаломъ «римаромъ». То ли аптекарь заносчив был, то ли его методы лечения не достигали нужного эффекта, но было так, как уж было.

Подробнее ещё об одном берестейском аптекаре нам рассказывает «Привелей церулику берестейскому Еньдрыху Петерсину на кгрунт подле дому его в Берести на збудованье коморы для речей гаптекарских ему самому и потомкомъ его данный» от 8 ноября 1583 года [9]:

«Стефан, Божию м(и)л(о)стью корол польский, великий кн(я)зь литовский, etc.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ.

Поведил перед нами пан виленский, канцлер нашъ Великого Кн(я)зства Литовского, староста берестейский и кобринский, пан Остафей Волович, ижъ его м(и)л(о)сть уважаючи потребности всякие людские места Берестейского а з влаца хоробы которые часто на люди приходять, хотечы в том месте чловека потребного задержати, дал слuze своему цырульнику места Берестейского Еньдрыху Пэтерсину кгрунту нашего замъкового берестейского на збудованье коморы на вкладанье речей апътэкарскихъ. С одной стороны подле дому его въластного, а зъ другое стороны подле шпихлера нашего от улицы Великое ажъ до реки Мухавца, а в шыр на два сажни, чого тотъ Еньдрыхъ водлугъ данины п(а)на виленского вольно от всякихъ платов, подачокъ и повинностей замковыхъ и местскихъ до сего часу держалъ. И жадал нас пан виленский а быхмо то ему листомъ нашимъ утвердили.

Мы на жаданье п(а)на виленского то чынечы, тотъ пляць верху описанный помененому Эндриху Пэтерсэну самому и потомкомъ его потверждаемъ сим листомъ нашимъ тымъ же правомъ и подъ тою жь вольностью, яко онъ и домъ свой держыть до которого ему ест тотъ пляць приданъ, который кгрунт маеть быть завжды под присудом замковымъ берестейскимъ.

И на то дали есмо сес нашъ листъ с подписомъ руки нашею г(о)с(по)дарьское до которог(о) и печать нашу казали есмо притиснути.

Писанъ у Берестю, лета Бож(его) нарож(енья) 1583, м(е)с(я)ца ноebra 8 дня.

Подписъ руки г(о)с(по)д(а)рьское Лев Сапега писаръ»

Прочитав этот лист, понимаешь, что аптекарское дело пришло в Берестье навсегда. Вместе с этим следует отметить, что, несмотря на 1583 год, документ написан на старорусском* языке, и город в нём по-прежнему именуется Берестьем и никак не иначе. Кроме того, замечаем, что «четвёртая полать ринку» со стороны замка начинает потихоньку обустраиваться, а улица вдоль Мухавца, которая связывала основные гостицы Берестья: Краковский, Виленский, Теревунский и Луцкий, получает имя Великой, чего нет в реестре 1566 года.

Этот же привилей приводит и Я. Крашевский [10], правда, в польской транслитерации, добавляя от себя, что подобной коморы Берестейское место к тому времени ещё не имело. Тем самым анонсируя в Берестье появление первого аптечного склада 1583 годом.

Имена двух берестейских аптекарей встречаем также в других документах, относящихся к 1632 году [11]: «1632 г. Мар. 20. Квитац. л. Станислава Бобровскаго – брест. аптекаря Аведыку Полибовскому, львовскому мещанину и купцу, въ полученіи от него 1200 злот. п. долга»; и второе имя [12]: «... такъ тежъ и зъ рады меское пана Вацлава Барцеевского, бурмистра и аптекаря Берестейского...», что недвусмысленно говорит об успешном продвижении аптекарских услуг в Берестье и ещё раз подчёркивает, что наш город продолжал по-прежнему носить старое имя Берестье, а не Bzrescie.

Сохранились также сведения о внутреннем виде берестейской аптеки [13] «в акте введения в наследство наследников брестского аптекаря Станислава Бобровского (1639). Аптека выходила дверью на рынок. В ней стояли три шкафа, два ларя, столик с выдвигаемым ящиком для кассы. На окнах были железные решетки, рядом с аптекой каменный погреб».

Другая работа [14] описание аптеки С. Бобровского дополняет ещё одним предложением: «В описях аптеки упоминаются 2 травника и 2 андидотария [сборники о противоядиях]».

Хотя в первой работе [13] источник описания аптеки называется «Акт введения в наследство наследников Станислава Бобровского (1639)», но, к сожалению, ни одна из упомянутых работ ссылки на сам источник не приводит. Тем не менее, то, что «аптека выходила дверью на рынок», позволяет предположить, что к 1639 году аптека по-прежнему оставалась на Рыночной площади Берестья [15]: «Место въ парканѣ. Рынокъ. Третья полать ринку...».

Остановим на этом исследовательский пыл развития аптекарского дела в Берестье, одного из первых в Беларуси, но в связи с этим никак нельзя не вспомнить о Пинске, к которому относят появление первой белорусской аптеки, датируя это событие 1561 годом [16]: «В переписной книге Пинска за 1561–1563 гг. (подчёркнуто авт.) упоминается аптекарь Станислав, а в источниках 1566 г. – другой аптекарь Станислав из Бреста (Пиццовая книга, 1874, 23; документы, 1897, 206, 215, 223)». Никак не умаляя достоинств прекрасной монографии профессора Грицкевича В.П. «С факелом Гиппократ», обратим внимание на некоторые детали приведенного выше текста. «Переписная книга Пинска за 1561–1563 гг.», на которую ссылается Грицкевич В.П., имеет точное название [17] «Пиццовая книга бывшего Пинскаго староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа въ 1561–1566 годах (подчёркнуто авт.) пинскимъ и кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною (съ переводомъ на русскій языкъ. Часть I. Вильна, 1874)». Продолжение фразы «а в источниках 1566 г. – другой аптекарь Станислав из Бреста (Пиццовая книга, 1874, 23; документы, 1897, 206, 215, 223)» имеет прямое отношение к источнику [1]: «Описание староства Берестейскаго 1566 года / Документы Московского архива Министерства юстиции; под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 206, 215, 223». Из этого следует, что Грицкевичу В.П., скорее всего, во время подготовки им монографии «С факелом Гиппократ» источники [1, 17] были просто недоступны, и он, вероятно, пользовался опосредованными ссылками на них, потому что в списке использованной им литературы Грицкевич В.П. не приводит ссылки на источники [1, 17], что соответствует научному этикету. Заметим также, что профессор Грицкевич В.П. не называет год появления первой аптеки в Пинске в своей монографии, а сообщает, что «в переписной книге Пинска за 1561–1563 гг. упоминается аптекарь Станислав», хотя данная

«Писцовая книга» на самом деле датируется 1561–1566 гг. Но следующие авторы, ссылаясь на пионерскую работу Грицкевича В.П. «Из истории аптечного дела в Белоруссии в период феодализма / Аптечное дело. – № 6. – Москва, 1959. – С. 57–60», упорно повторяют не совсем корректное утверждение [18]: «... в 1561 г. была открыта аптека в Пинске».

Первая «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжеств» [19], составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг., аптеки в Пинске не называет, но «Писцовая книга бывшего Пинскаго староства», составленная по велению короля Сигизмунда Августа пинским и кобринским старостою Лаврином Войною в 1561–1566 гг., называет имя пинского аптекаря [20]: «...*Thamże uleczka mała za klasztorem... Druga połącz... Stanisław Aptekarz* (подчеркнуто авт.) – 1 *Przet sielid.*», необъяснимым образом совпадающее с именем первого берестейского аптекаря. Не развивая эту тему, отметим, что в указанном источнике упоминание пинского аптекаря не датируется 1561 годом, а сама «Писцовая книга бывшего Пинскаго староства» появилась в 1566 году, что, собственно, и определяет в соответствии с принятыми правилами в исторической науке датирование всей информации, изложенной в данном источнике, т.е. было бы более корректным первое письменное упоминание аптеки в Пинске также отнести к 1566 году.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Описание староства Берестейского 1566 года / Документы Московского архива Министерства юстиции; под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 206, 215, 223.
2. Никитчик, А.Д. Первая Берестейская магдебургия. События и подробности получения и истории / А.Д. Никитчик, Т.А. Никитчик // Вестник БрГТУ. – № 6: Гуманитарные науки. – 2013. – С. 54–64.
3. Wolff, J. Kniżazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. – Warszawa, 1895. – С. 111.
4. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты Гродненского земского суда. – Т. 21. – Вильна, 1894. – С. 349–350.
5. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты Гродненского земского суда. – Т. 21. – Вильна, 1894. – С. 349.
6. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Акты о боярах. – Т. 24. – Вильна, 1897. – С. 36–41.
7. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестского гродского суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 123.
8. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестского гродского суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 146.
9. Метрыка Вялікага княства Літоўскага (1582–1585). – Кніга запісаў № 70. – Мінск, 2008. – С. 88.
10. Kraszewski, J. Obrazy z życia i podróży. – Wilno, 1842. – С. 179–181.
11. Описание документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. – Выпуск Х. – Акты Брестского гродского суда за 1575–1715 годы. – № 7027. – Вильна, 1913. – С. 208.
12. Акты, издаваемые археографическою комиссією высочайше учрежденною въ Вильнѣ. – Т. II. – Акты Брестского земского суда. – Вильна, 1867. – С. 62.
13. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ. – Минск, 1987. – С. 66.
14. Эльяшевич, Е.Г. Первый этап развития аптечного дела в Беларуси / Е.Г. Эльяшевич, П.Ю. Горбачёв // Вестник фармации. – № 1 (39). – Минск, 2008. – С. 89–93.
15. Описание староства Берестейского 1566 года / Документы Московского архива Министерства юстиции; под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897. – Т. 1. – С. 206.
16. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ. – Минск, 1987. – С. 65.
17. Писцовая книга бывшего Пинскаго староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа въ 1561-1566 годах пинскимъ и кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною (съ переводомъ на русскій языкъ). – Часть I. – Вильна, 1874. – 421 с.
18. Эльяшевич, Е.Г. Первый этап развития аптечного дела в Беларуси / Е.Г. Эльяшевич, П.Ю. Горбачёв // Вестник фармации. – № 1 (39). – Минск, 2008. – С. 89.
19. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленная Пинскимъ Старостою Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552–1555 гг. – Вильна, 1884. – 714 с.
20. Писцовая книга бывшего Пинскаго староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа въ 1561-1566 годах пинскимъ и кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною (съ переводомъ на русскій языкъ). – Часть I. – Вильна, 1874. – С. 22.

Материал поступил в редакцию 02.10.16

GLADYSHCHUK A.A. Pharmacy in Berestye (Brest) – 450 years

The analysis of historical sources of emergence of the first drugstore in Berestye in 1566 is for the first time provided in work, the full name and an origin of the owner of a drugstore and his spouse is told. Arguments of shift of the first written mention of a drugstore in Pinsk for 1566 are adduced.

УДК 56.57

Стрелец М.В., Климович В.О.

О ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ В БЕЛАРУСИ ДОСТОВЕРНО, КОМПЕТЕНТНО, УБЕДИТЕЛЬНО

Введение. В отечественной научной литературе ощущается явный дефицит публикаций, посвящённых изысканиям израильских учёных-историков. Авторы выносимой на суд читателей публикации попытались внести лепту в преодоление подобного дефицита. Цель настоящей рецензии: провести комплексный анализ книги старшего научного сотрудника центра диаспоры при Тель-Авивском университете Леонида Смиловицкого «Еврейская жизнь в Беларуси: последнее десятилетие сталинского режима, 1944–1953» [1].

История человечества свидетельствует о разных опытах сосуществования титульного и нетитульных этносов, что детерминировалось государственной политикой. Власть имущие по-разному относились и относятся к вопросу о религиозной и культурной идентификации нетитульных этносов. Это сполна ощутили в своей истории белорусские евреи.

Вопрос о религиозной и культурной идентификации белорусских евреев может анализироваться только на базе принципа историзма.

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Климович Вероника Олеговна, студентка четвертого курса исторического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, бул. Космонавтов, 21.